

ПРОЦЕССУАЛЬНАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНОСТЬ СЛЕДОВАТЕЛЯ В СВЕТЕ СОВРЕМЕННОГО РЕГУЛИРОВАНИЯ ПРЕДВАРИТЕЛЬНОГО РАССЛЕДОВАНИЯ

Эффективность предварительного расследования напрямую зависит от обеспечения процессуальной самостоятельности следователя в процессе расследования преступного деяния. Неслучайно вопрос о процессуальной самостоятельности следователя на протяжении ряда лет обсуждается в процессуальной литературе [1, с. 9; 2, с. 23].

Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации (УПК РФ), хотя и не использует термин «процессуальная самостоятельность следователя», раскрывает ее содержание как полномочие «самостоятельно направлять ход расследования, принимать решение о производстве следственных и иных процессуальных действий, за исключением случаев, когда в соответствии с настоящим Кодексом требуется получение судебного решения или согласие руководителя следственного органа» (п. 3 ч. 2 ст. 38 УПК РФ). Подобные полномочия содержатся в ч. 3 ст. 36 Уголовно-процессуального кодекса (УПК) Республики Беларусь: «Все решения о производстве следственных и других процессуальных действий следователь принимает самостоятельно, за исключением случаев, когда законом предусмотрено получение санкции прокурора или письменного согласования решения органа уголовного преследования о задержании лица, и несет полную ответственность за их законное и своевременное исполнение».

Отличие доктринальной трактовки содержания процессуальной деятельности следователя состоит в том, что если в УПК РФ говорится о самостоятельности следователя в определении хода расследования и принятии решений, то в УПК Республики Беларусь внимание акцентируется на самостоятельности решения о производстве следственных действий.

Соответственно, можно сделать вывод, что процессуальная самостоятельность следователя выражается в самостоятельности принятия решения о производстве следственных действий и определении хода расследования, что не исключает процессуального руководства со стороны руководителя следственного органа.

При сравнении процессуальных полномочий следователя и дознавателя традиционно подчеркивается, что дознаватель, в отличие от сле-

дователя, не обладает процессуальной самостоятельностью, но если сопоставить п. 3 ч. 2 ст. 38 и п. 1 ч. 3 ст. 41 УПК РФ, то очень сложно провести различие между понятиями «процессуальная самостоятельность следователя» и «процессуальная несамостоятельность дознавателя», так как последний также уполномочен самостоятельно проводить следственные действия и принимать процессуальные решения.

Изложенное предопределяет необходимость выделения дополнительных критериев процессуальной самостоятельности следователя, к которым, на наш взгляд, относится характер взаимоотношений следователя с прокурором, руководителем следственного органа и органом дознания. Правда, последнее потеряло свою актуальность с 2013 г. после появления у дознавателя полномочия давать органу дознания обязательные для исполнения поручения о производстве следственных действий и иных процессуальных действий, в том числе заключении под стражу (п. 1-1 ч. 2 ст. 41 УПК РФ).

Если рассматривать современный прокурорский надзор через призму процессуальной самостоятельности следователя, то следует отметить:

- 1) прокурор не осуществляет процессуального руководства предварительным следствием, более того, реализовать уголовное преследование он может только в судебном разбирательстве;
- 2) полномочия прокурора по осуществлению надзора за законностью следствия весьма ограничены по сравнению с полномочиями по надзору за законностью осуществления дознания;
- 3) в случае несогласия с требованием прокурора об устранении нарушений федерального законодательства следователь обязан информировать об этом руководителя следственного органа, но при этом законодатель не указывает, должен ли следователь выполнять при этом требования прокурора;
- 4) следователь имеет право обжаловать решения прокурора по уголовному делу, поступившему для утверждения с обвинительным заключением, вышестоящему прокурору по целому ряду вопросов.

Таким образом, современные изменения уголовно-процессуального законодательства РФ фактически нивелировали эффективность прокурорского надзора за предварительным следствием. Изменение роли прокурорского надзора отнюдь не свидетельствует о полной процессуальной самостоятельности следователя, поскольку полномочия следователя блокированы полномочиями руководителя следственного органа.

Руководитель следственного органа может давать следователю обязательные указания о ходе и направлении расследования и производстве следственных действий. Принимать процессуальные решения сле-

ватель может, в большинстве случаев, только с согласия руководителя следственного органа или уведомляя последнего.

По справедливому замечанию Л.В. Головки: «Функция следователя в России оказалась существенно деформированной... Деформация зашла настолько далеко, что нынешний следователь является по своей сущности вовсе не классическим «судебным следователем», а фактически «квалифицированным дознавателем»...» [3, с. 248]. Все вышеизложенное позволяет сделать вывод, что процессуальная самостоятельность следователя – это скорее теоретическая модель, которая доктринально не подтверждается, несмотря на судебную природу континентального предварительного следствия, что предполагает требование процессуальной самостоятельности следователя, близкой к независимости судьи.

1. Шейфер, С.А. Предварительное следствие. Общие условия и основные этапы производства / С.А. Шейфер. – Куйбышев, 2016. – 334 с.
2. Марфицын, П.Г. Усмотрение следователя (уголовно-процессуальный аспект) / П.Г. Марфицын. – Омск, 2015. – 260 с.
3. Курс уголовного процесса / под ред. Л.В. Головки. – М. : Статут, 2021. – 700 с.

УДК 343.1

В.П. Зайцев

ОБ ОТМЕНЕ НАЛОЖЕНИЯ АРЕСТА НА ИМУЩЕСТВО В УГОЛОВНОМ ПРОЦЕССЕ РЕСПУБЛИКИ БЕЛАРУСЬ

В соответствии со ст. 44 Конституции Республики Беларусь государство гарантирует каждому право собственности, неприкосновенность собственности охраняется законом, принудительное отчуждение имущества допускается лишь по мотивам общественной необходимости при соблюдении условий и порядка, определенных законом.

Наложение ареста на имущество в уголовном процессе выступает мерой принуждения, которая применяется в целях обеспечения возмещения ущерба (вреда), причиненного преступлением, взыскания дохода, полученного преступным путем, гражданского иска, других имущественных взысканий, специальной конфискации. Основания применения рассматриваемой меры указывают на временный характер ее действия и предполагает урегулированную уголовно-процессуальным законом соответствующую процедуру отмены наложения ареста на имущество. Указанная процедура служит процессуальной гарантией прав и закон-

ных интересов участников уголовного процесса, имущество которых подвергается аресту, однако, по нашему мнению, нуждается в научной и законодательной культивации.

Согласно действующей редакции Уголовно-процессуального кодекса Республики Беларусь (УПК) арест имущества отменяется постановлением (определением) органа, ведущего уголовный процесс, когда в этом отпадает необходимость (ч. 16 ст. 132 УПК). По такому правилу закона фактическим основанием отмены наложения ареста на имущество выступает минование необходимости в продолжении применения рассматриваемой меры принуждения, а юридическим – процессуальный документ отмены ареста имущества.

К условиям отмены наложения ареста на имущество следует отнести: неподтверждение фактической принадлежности имущества, находящегося в собственности других лиц, подозреваемому, обвиняемому или его отчуждения в целях сокрытия принадлежности или источников происхождения либо для финансирования преступной деятельности (ч. 4 ст. 132 УПК); приостановление предварительного следствия (ст. 246 УПК); прекращение производства по уголовному делу (ст. 29, 30, ст. 279, ст. 303 УПК), предварительного расследования или уголовного преследования (ст. 250 УПК); оправдание обвиняемого (ст. 363 УПК); отказ от гражданского иска (ст. 154 УПК); добровольные возмещение ущерба, уплата дохода, полученного преступным путем; отказ судом в удовлетворении иска, либо оставление иска без рассмотрения (ст. 155 УПК); доказанность, что имущество не принадлежит лицам, несущим по закону материальную ответственность за деяния подозреваемого (обвиняемого); ошибочное описание имущества; стоимость арестованного имущества превышает сумму гражданского иска, других имущественных взысканий; наличие заявленных в порядке ч. 17, 18, 18¹ ст. 132 УПК ходатайств подозреваемого, обвиняемого, лиц, несущих по закону материальную ответственность за них, а также лиц, указанных в ч. 2 ст. 132 УПК [1, с. 54–55; 2, л. 123]. В отличие от условий применения ареста имущества, условия его отмены одновременного соблюдения их всех сразу не требуют, поэтому они самостоятельны и по отдельности.

Вместе с тем указанная в УПК регламентация процедуры отмены ареста имущества, как мы считаем, видится несколько неполной.

Согласно п. 8 ч. 1 ст. 361, а также п. 3, 4 ст. 363 УПК в резолютивных частях как обвинительного, так и оправдательного приговоров должны быть указаны: решение о мере пресечения и иной мере процессуального принуждения в отношении обвиняемого до вступления приговора в законную силу; решение об отмене меры пресечения и иной меры процес-